Чары – ага размышляет

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Чары – ага размышляет ЧАРЫ – АГА РАЗМЫШЛЯЕТ

Казалось бы, совсем недавно отмечали мы 80-летие народного писателя Туркменистана Чары Аширова, а уже минуло три года.. Стремителен бег времени, нелегок груз годов. Тем более завидуешь человеку, за плечами которого столько пережитого, столько, казалось бы, непереносимых трудностей и невзгод, но который и в свои 83 сохраняет непоколебимый дух и высочайший оптимизм.
Предлагаемые записи наших разговоров с Чары-ага как раз и относятся к трем после юбилейным годам.

• О восточной хитрости

– Я появился на свет задолго до Октябрьской революции и успел поучиться и в старой, и в новореволюционной школах. В старой успел прочитать «Ровнака», Сопы Аллаяра, Бидила Ходжа, Хафиза многих других умных книг. А в новой… Хорошо, что она открылась позже… Старший брат Шаллы устроил меня в интернат, откуда был прямой путь в техникум, институт в Ашгабате. А потом уж замахнулся в Москву – поехал поступать в аспирантуру.
Поступить в те годы в аспирантуру выходцам из бывших «царских окраин» было не так просто. Это потом ввели «режим благоприятствования» – печальной памяти поблажки, исковеркавшие не одну судьбу, в бесчисленном множестве плодившие полуспецов, полуневежд… Так вот, в Москве представился случай еще раз добрым словом помянуть старую педагогическую школу, привившую неистребимую тягу к знаниям. Сдаю экзамен по истории. Вопрос – мой ответ по книге Битинского, вопрос – ответ по книге Шемсарева и так далее. И после каждого ответа – лукавая улыбка ученого секретаря. Оценка – «отлично». «А ты хитрый парень, я вижу. Одно слово – Восток: сумел польстит авторам учебников». Но откуда же мне

было знать, что в качестве экзаменаторов выступили лично Шемсарев и Битинский! Я-то в Москве был впервые. А книжки их и в Ашгабате были, так что о восточной «хитрости» тут говорить нечего, коль есть тяга к знаниям.
А когда дело подошло к диссертации, Гайгысыз Атабаев вызвал меня на работу в Ашгабат. Но пока я добирался, и его, и Айтакова арестовали. А тут по доносу трех сотрудников института записали во «врага народа». Даже не представляю, почему не посадили; ограничились проработкой на комсомольском собрании. В то смутное время я и трудился над поэмой «Разлука»… Работу, конечно, пришлось сменить – ушел в издательство.
В издательстве Чары-ага проработал более двадцати лет, перевел с русского на туркменский более 100 тысяч строк. Его переводы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Чехова, Горького, Толстого по достоинству оценены поклонниками классической прозы и поэзии.

• О творчестве

– Человеческая жизнь – безвозвратна. Прожитого не повторить, но оценить всегда есть возможность. Надо почаще оглядываться на пройденный путь. А мера оценки сделанного проста и надежна одновременно: «Что сделал для людей, для своей Родины?» Вот завершил работу над одиннадцатым романом. Каковы его достоинства, недостатки – оценит читатель. Я конечно, горжусь сделанным, тем, что, и в самые трудные годы много и упорно трудился. Это естественно для любого человека. Для писателя же важно еще и другое: о чем он говорит с читателем. Всегда считал, что цель творчества – будить в людях добро, честность, достоинство гражданина. Так считаю, к тому стремлюсь в своих произведениях. И еще. Главный стержень любого произведения – правда. Без этого любые сюжетные построения, любые нравственные идеи, отстаиваемые писателем, проигрышны.
Сейчас я завершил работу над романом о Гекдепинском сражении. Это была нелегкая работа: за минувшие десятилетия в понимании тех событий многое сместилось в сторону от исторической

памяти. Но еще мальчишкой мне доводилось много слышать рассказов о войне от ее непосредственных участников. Многие из них отражены в романе. Они-то, надеюсь, как раз и близки к истинному пониманию и оценке тех событий.

• О землячестве

— Тридцатые годы остались в памяти большинства людей годами неисчислимых трагедий, обошедших редкую семью. После того как был застрелен Сергей Киров, по Москве прокатилась волна арестов. Не обошла она стороной и моих земляков, тогда всего лишь студентов. Нунна Мурадов (биолог) провел многие годы в тюрьме, Моджек (химик, фамилию к сожалению, не помню — родом он был из Мары) расстрелян. Подвергся репрессиям и Керим Машрыков (впоследствии известный ученый, геолог)… Но беда не разъединила наше туркменское землячество. Друзья стремились помочь пострадавшим чем могли — больше, конечно, морально, потому что жили все весьма скромно. Вера в невиновность товарищей (а какая могла быть вина за студентами!) — это по тем временам немало.

Нас сплачивала и поддерживала та цель, с которой мы приехали в Москву, — выучиться и послужить на благо родному Туркменистану. Помню приезд в столицу Г. Атабаева — ему вручали там орден Ленина. Мы пришли к нему в гостиницу «Метрополь» — поздравить, послушать новости из родных краев. Гайгысыз много рассказывал о переменах в Туркменистане, о планах на будущее. «Вы должны вернуться на Родину образованными людьми — вот ваша главная задача. Там для вас много работы, помните об этом».

Правительство республики чем могло поддерживало туркменских студентов. Жили, повторяю, бедно. Я например, без стипендии. Подрабатывал уборкой улиц. В тот приезд Атабаев сказал мне: «Зайди в постпредство». Зашел и, к своему удивлению, тут же был приглашен в универмаг, откуда вышел довольно прилично одетым на средства туркменского представительства… Не со мной одним так было. Как ни далека была родная земля, а заботу своих земляков мы всегда ощущали. И те, кому довелось

вернуться в родные края, постарались отблагодарить земляков самоотверженным трудом.

- **Трудный выбор**

— Люди моего поколения были часто поставлены в такое положение, из которого если и существовал выход, то он всегда был связан с огромным нравственным насилием над своей совестью. Выбор был труден. Конечно, немало было и таких, которые обращали в свою пользу ситуацию всеобщей подозрительности, доносов. Но не о них речь.
Из многих трудных воспоминаний — это наиболее больное, но рассказать о нем необходимо: только так нынешнее поколение может представить прожитое нами. Когда меня зачислили во «враги», я первым делом подумал о жене. Аннаджемал тогда училась в мединституте. Дальнейшая ее судьба могла быть схожей с судьбами очень многих жен «врагов народа»: путь к знаниям будет закрыт — это в лучшем случае… Что делать? И я решил: надо расторгнуть брак. Тогда это было несложно. Вконец расстроенной жене посоветовал хранить документ в… комсомольском билете. И это спасло. Собрание в институте принимает решение исключить Аннаджемал из комсомола и института. Она сдает свой комсомольской билет с «вкладышем» о разводе. Ну, а коль не жена «врага», то и решение тут же отменяется…
Мы прожили с ней в согласии и в счастье до трагической ночи землетрясения, когда я сразу лишился и ее, и сына Вепа… К незаживающим ранам на сердце прибавилась еще одна зарубка, самая трагическая…
… Чары-ага надолго замолкает, печально глядя за окно, в которое заглядывают заснеженные ветки. Он весь сейчас в том трудном прошлом, которое ни забыть, ни прожить заново. Что помогло этому сильному человеку достойно пройти выпавшие на его долю испытания? Думаю, только труд — огромное всепобеждающее желание прослужить своей работой родному народу. Не уставать вам, Чары-ага.

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 11.04.1994 год. Edebi makalalar